

Henryk Fontański
Uniwersytet Śląski

ИДЕИ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ
В ТРУДАХ ПОЛЬСКИХ РУСИСТОВ

В последние десятилетия появилось несколько теоретико-методологических концепций, определяемых их создателями как «функциональная», «коммуникативная» или «функционально-коммуникативная» грамматика (или синтаксис)¹. В данном обзоре мы остановимся на одной из них, приобретающей все большую популярность и являющейся источником все новых научных вдохновений. Речь о теории функционально-коммуникативной грамматики, создателем и теоретиком которой является знаменитый российский ученый Галина Александровна Золотова.

В своих основных работах — монографии *Очерк функционального синтаксиса русского языка*², книгах *Коммуникативные аспекты русско-*

¹ S. Dik: *Functional Grammar*. North Holland 1978; M. Halliday: *An Introduction of Functional Grammar*. London: Arnold 1985; А.В. Бондарко: *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ленинград: Наука 1983; его же: *Функциональная грамматика*. Ленинград: Наука 1984; М.В. Всеволодова: *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса*. Москва: МГУ 2000; А. Мустайоки: *Функциональная грамматика русского языка. От семантических структур к языковым средствам*. Москва: Языки славянской культуры 2006; A. Kiklewicz: *Podstawy składni funkcjonalnej*. Olsztyn: UWM 2004; A. Awdiejew, G. Habrajska: *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. Т. 1. Łask: LEKSEM 2004; Т. 2. Łask: LEKSEM 2006; М.А. Шелякин: *Функциональная грамматика русского языка*. Москва: Русский язык 2001; *Проблемы функциональной грамматики*. Москва: Наука 1985; *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград: Наука 1987; *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука 1990; *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. С.-Петербург: Наука 1991; *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Определенность / неопределенность*. С.-Петербург: Наука 1992; О. Крылова: *Коммуникативный синтаксис русского языка*. Москва: РУДН 1992.

² Г.А. Золотова: *Очерк функционального синтаксиса*. Москва: Наука 1973; Изд. 2., исправленное. Москва: КомКнига 2005.

го синтаксиса³ и *Синтаксический словарь*⁴, в многочисленных статьях, а также в написанной в соавторстве с Надеждой Онипенко и Мариной Сидоровой *Коммуникативной грамматике русского языка*⁵ — Галина Золотова сформулировала ряд важных идей, ставших прочной теоретической базой данной концепции описания языка.

Самым существенным положением является признание содействия и взаимозависимости значения, функции и формы как критерия выявления и характеристики языкового знака. Значение понимается здесь как категориальный смысл слова, предложения или фрагмента текста; функция — как свойственная категориальному значению конструктивная роль данного элемента как части целого; форма — как морфологические и синтаксические средства, материальный облик данной функции.

«Организующим центром грамматики», непосредственно соотносящимся с процессами мышления и языкового общения, Золотова считает синтаксис. Упомянутый выше критерий неразрывной взаимосвязи категориального значения, морфологической формы и функции позволил Золотовой выявить минимальную единицу синтаксиса — синтаксему. Существенным положением данной теории является принцип двухсоставности монопредикативного предложения. Следующие важные аспекты — признание субъектной функции определенных форм косвенных падежей, понятие изосемичности/неизосемичности слов и моделей предложений, семантико-синтаксическая классификация глаголов, определение пяти основных моделей предложения и идея синтаксического поля, включающего разного типа модификации основных структур.

Безусловным достоянием этой теории является выход за границы традиционного синтаксиса — в текст, в сверхпредложенческие структуры, вплоть до характеристики разных типов текстов как художественной литературы, так и прикладных. В этой области важным достижением стало обнаружение т. наз. коммуникативных регистров и системных средств их формирования, указание коммуникативного потенциала системы и ее отдельных элементов.

С именем Галины Золотовой связан также новый подход к категории таксиса, т.е. учет в этой связи не только относительных темпоральных реляций, но расширение этой категории также на другие аспекты предикативности, а именно на значения лица и модальности.

³ Ее же: *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука 1982.

⁴ Ее же: *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва: Наука 1988.

⁵ Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: ИПО «Лев Толстой» 1998; Изд. 2. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН 2004.

Для интересующей нас теории характерен антропоцентризм, выявление в языковых средствах разных аспектов сознания субъектов языкового общения. Этой цели служит намеченная Галиной Золотовой и развитая Надеждой Онипенко концепция субъектной перспективы предложения и текста, а также модусов и модусных рамок. В этой связи важно выделение трех темпоральных линий: календарной, событийной и перцептивной.

Решительным шагом на территорию, ранее отводимую теории литературы, была разработка Золотовой 4-ступенчатого анализа текстов художественной литературы.

Названный комплекс идей и понятий, отражающих единицы и явления языка и составляющий методологический исследовательский инструментарий, складывался и развивался Золотовой и ее последователями постепенно. В качестве альтернативной по отношению как к устоявшемуся традиционному (в частности, синтаксическому) описанию русского языка, так и к другим новым теориям и методологиям, данная теория получила широкое признание относительно недавно.

В польской русистике идеи, являющейся предметом разговора в данной статье, были оценены рано, хотя в польских описаниях синтаксиса русского языка, а также в польско-русском синтаксическом сопоставлении они применяются не очень широко и, к тому же, избирательно.

Можно назвать два польских центра русистики — в Жешуве и Соновце — в которых наиболее интенсивно и эффективно ведутся исследования с систематическим использованием представленной выше методологии функционально-коммуникативной грамматики.

Однако едва ли не первой работой, в которой основным тезисом стала важная синтаксическая идея Галины Золотовой, а именно признание за определенными формами косвенных падежей функции подлежащего некоторых типов предложений, была изданная в 1982 году монография *Несогласованные асимметрические русские предложения в сопоставлении с польскими*⁶, автором которой является Диана Вечорек из Вроцлавского университета. Спустя 15 лет в книге *Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы)*⁷ вроцлавская славистка Лариса Писарек применила несколько важных понятий, сформулированных Золотовой: понятие модели предложения, синтаксической парадигмы, косвенной номинации, а также выделение

⁶ Д. Вечорек: *Несогласованные асимметрические русские предложения в сопоставлении с польскими*. Вроцлав: Acta Universitatis Wratislaviensis. № 676. Slawica Wratislaviensia XXVII 1982.

⁷ Л. Писарек: *Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы)*. Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego 1995.

модально-каузативных и модально-фазисных модификаций. Данное описание избранных перформативных речевых актов следует, однако, отнести к лингвистической прагматике.

В Кракове, в Институте русской филологии бывшей Высшей педагогической школы, в 1994 г. была опубликована монография Тересы Жеберек⁸, в которой многие наблюдения над употреблением описываемых выражений в текстах соотносительны с результатами исследований московской школы функционально-коммуникативной грамматики.

Внимания заслуживает факт, что весьма существенное положение представленной концепции — отказ от различения двух структур предложения: формальной (именуемой также «грамматической») и семантической — не признается даже некоторыми из тех авторов, которые в своих исследованиях широко ссылаются на работы Золотовой. Это проявляется, к примеру, в определении субъекта-подлежащего, в частности, относительно постулированного Золотовой признания субъектной функции косвенных падежей. Так, Зофья Чапига, в статье, посвященной выражению субъекта предложения, пишет:

[...] w zdaniach polipredykatywnych z mianownikową formą deadiektynu wyraźnie ujawnia się rozbieżność pomiędzy strukturą semantyczną i formalną zdania: na płaszczyźnie formalnej deadiektynu zajmuje pozycję podmiotu, ale nie jest subjektem, lecz kauzatorem, powodującym określone zmiany w nosicielu cechy predykatywnej⁹.

Обратим внимание, что в монографии *Очерк функционального синтаксиса*, на которую автор статьи ссылается в том же абзаце, Галина Золотова совсем однозначно выражает противоположное мнение:

Как бы ни оправдывать методическими соображениями расчленение объекта изучения, нельзя не видеть, что в реальном предложении нет двух структур, нет двух синтаксисов. [...] В отношении синтаксиса можно утверждать, что семантическое не только не противостоит грамматическому, но составляет его неотъемлемый ингредиент¹⁰.

Анна Рудык в опубликованной недавно книге¹¹ подробно рассматривает вопрос определения в лингвистике подлежащего и субъекта пред-

⁸ T. Żeberek: *Funkcjonowanie przyimków i wyrażeń przyimkowych w tekście rosyjskim i polskim*. Kraków: Wyd. Naukowe WSP 1994.

⁹ Z. Czapięga: *O subiekcie semantycznym w zdaniach polipredykatywnych z mianownikową formą deadiektynu w języku polskim i rosyjskim*. В кн.: *Język a rzeczywistość. Ruscystyczne studia konfrontatywne*. Ред. P. Czerwiński, H. Fontański. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 2005, с. 123.

¹⁰ Г.А. Золотова: *Очерк функционального синтаксиса...*, с. 18–19.

¹¹ A. Rudyk: *Subiekt semantyczny w zdaniach z predykatywami modalnymi i wartościującymi. Konfrontacja polsko-rosyjska*. Rzeszów: Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego 2013.

ложения и в итоге заявляет, что принимает идеи Галины Золотовой, ибо, как пишет, «tworzą one [...] najbardziej konsekwentną i spójną koncepcję, która, będąc syntezą podejścia systemowego i funkcjonalnego, daje najpełniejszą charakterystykę subiekty»¹². Окончательно, однако, в отличие от Золотовой, автор монографии пользуется термином «семантический субъект», который может наводить на мысль, что можно выделять какой-то «несемантический» субъект, или же — как это делают другие лингвисты — находить такой компонент в т. н. «глубинных структурах», существование якобы которых Золотова принципиально отрицает¹³.

Относительно проблематики субъекта предложения, Золотова в одной из очередных своих работ выделила три типа субъектов: личный, предметный и пространственный, причем локативный субъект может иметь форму косвенного падежа с предлогом¹⁴. Предложениями с локативным субъектом, т.е. предложениями о состоянии места, занялась в нескольких публикациях Иоанна Дарда-Граматыка¹⁵.

Важным событием для научного описания русского синтаксиса и для теории функционально-коммуникативной грамматики был выход в свет в 1988 г. *Синтаксического словаря русского языка* Золотовой. Этой книгой охотно стали пользоваться польские русисты. Показателен факт, что в сопоставительном описании польского и русского синтаксиса, проведенном, правда, на другой методологической основе, на этот словарь ссылался в 1994 г. проф. Марьян Бобран¹⁶. Терминологический аппарат, введенный Золотовой в *Синтаксическом словаре*, стал все чаще появляться в польских исследованиях как по синтаксису русского языка, так и в сопоставительных польско-русских описаниях¹⁷.

¹² Там же, с. 22.

¹³ Ср.: «Принятое сейчас многими исследователями противопоставление, вслед за Ч. Хоккетом и Н. Хомским, конкретных “поверхностных структур” абстрактным “глубинным структурам”, отражающим семантические отношения между компонентами, уводит семантические отношения в чуть ли не мистическую “глубину”, реализующуюся неизвестно в каких языковых единицах» — Г.А. Золотова: *Очерк функционального синтаксиса...*, с. 17–18 и в примечании, присоединяясь к мнению В. Гака: «Более реалистической кажется интерпретация «поверхностных» и «глубинных» конструкций как синонимических моделей предложения, различающихся способом отражения внеязыковых явлений», с. 18, примечание 20.

¹⁴ Г.А. Золотова: *О главных членах предложения: дискуссионные вопросы*. В кн.: *Вопросы русского языкознания*. Вып. 8. Москва: МГУ 2000, с. 11–23.

¹⁵ J. Darda-Gramatyka: *Predykaty w zdaniach o stanie miejsca (konfrontacja rosyjsko-polska)*. В кн.: *Leksyka i gramatyka w tekście*. Ред. М. Borek, Н. Fontański. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 2005, с. 36–44.

¹⁶ М. Bobran: *Składnia polska i rosyjska zdania podmiotowo-orzeczeniowego z orzeczeniem czasownikowym*. Rzeszów: Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego 1994, с. 17–22, 24.

¹⁷ Ср., например: З. Чапига: *Каузатоп психического состояния в русском и польском предложении (на примере положительных эмоций)*. В кн.: *Коммуникативные*

Существенной частью интересующей нас здесь теории функционально коммуникативной грамматики является семантико-синтаксическая классификация глаголов, с которой связана проблематика определенных моделей предложений. Автором обширной монографии, посвященной глагольным типам предложений в русском языке, является проживающая уже много лет в Польше ученица Золотовой, ныне профессор Гданского университета Зоя Новоженова¹⁸.

Значительные достижения в сопоставительном описании типов предложений с определенными семантическими классами предикатов с использованием идей функционально-коммуникативной грамматики имеют русисты из Института восточнославянской филологии Силезского университета.

Итак, специфический тип экзистенциальных предложений русского языка (главным образом, т.н. бытийных предложений) описала в сопоставлении с польским языком Иоланта Любоха-Круглик¹⁹. В ряде статей она исследовала и представила — также и в сопоставительном плане — разные типы предложений с предикатами зрительного²⁰, слухового²¹ и обонятельного²² восприятия, а в монографии, посвященной категории перцептивности²³, расширила это исследование описанием предложений вкусового и осязательного восприятия²⁴. В данной монографии Иоланта Любоха-Круглик эффективно использовала многие теоретические достижения и исследовательские инструменты функционально-коммуникативной грамматики, связывающие языковую систему с текстами, в том числе, выделение трех темпоральных линий, классификацию текстовых функций глагольных форм, регистровый анализ, наблюдения на тему грамматикализации в локативных или

аспекты грамматики и текста. I. Rzeszów: Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego 2013, с. 173–180.

¹⁸ З. Новоженова: *Русское глагольное предложение: структура и семантика*. Słupsk: Pomorska Akademia Pedagogiczna 2001.

¹⁹ J. Lubocha-Kruglik: *Rosyjskie zdania egzystencjalne w konfrontacji z polskimi*. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 2001.

²⁰ J. Lubocha-Kruglik: *О предложениях зрительного восприятия в русском и польском языках*. В кн.: *Лингвистика и литературоведение в университете*. Минск 2002, с. 45–47.

²¹ Её же: *О предложениях слухового восприятия в польском и русском языках*. «МОВА. Науково-теоретичний часопис з мовознавства». Ред. Д.С. Ищенко. Одеса 2003, № 8, с. 145–148.

²² Её же: *Предложения обонятельного восприятия в русском и польском языках — опыт лингвистического анализа*. «Слов'янський збірник». Ред. Н.И. Зубов. Одеса: ОРІДУ НАДУ 2006, вип. XII, с. 87–93.

²³ Её же: *Semantyczna kategoria perceptywności i jej wykładniki w języku polskim i rosyjskim*. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego / Oficyna Wydawnicza WW 2010.

²⁴ Там же, с. 183–208.

субъектно-авторизирующих синтаксемах фигуры наблюдателя и его пространственной локализации, концепцию субъектной перспективы предложения и текста, а также типологию модусных рамок.

Предметом представленных в ряде статей²⁵ исследований Агнешки Гаш стала семантико-синтаксическая классификация и характеристика т.н. физиологических глаголов русского и польского языков, в частности обозначающих процесс принятия пищи.

Предложениям с разными типами предикатов русского языка, выражающим психологический дискомфорт, посвящена книга Малгожаты Борек²⁶. В этом исследовании особое внимание обращено на существенную характеристику выражений и синтаксических моделей, т.е. на их изосемичность/ неизосемичность²⁷. В своих работах Малгожата Борек рассматривает в духе функционально-коммуникативной грамматики также другие синтаксические проблемы, в частности, предложения с предикативами²⁸.

²⁵ A. Gasz: *Onomatopieczne czasowniki oznaczające fizjologiczną czynność jedzenia i picia w języku polskim*. В кн.: *Świat Słowian w języku i kulturze*. Т. 11. *Językoznawstwo*. Ред. D. Dziadosz, E. Komorowska. Szczecin: «Volumina.pl Daniel Krzanowski» 2010, с. 63–70.; еѐ же: *Czasowniki oznaczające fizjologiczną czynność jedzenia (na materiale powieści M. Musierowicz «Szósta klepka»)*. В кн.: *Gramatyka a tekst*. Ред. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego / Oficyna Wydawnicza WW 2011, с. 177–195.; еѐ же: *O czasowniku pić i jego pochodnych (na materiale powieści M. Musierowicz «Szósta klepka»)*. В кн.: *Świat Słowian w języku i kulturze. Wybrane zagadnienia z języków słowiańskich i germańskich*. Т. 12. Ред. D. Dziadosz, A. Krzanowska. Szczecin: Zapol 2011, с. 86–93.; еѐ же: *Ономатопеические глаголы «еды» и «питья»*. В кн.: *Текст, культура, перевод*. Ред. Э. Архангельская, И. Маркина. Рига: Jumi 2012, с. 54–62.; еѐ же: *Wykładniki miary i stopnia przy czasownikach oznaczających czynności jedzenia i picia (na materiale języka polskiego i rosyjskiego)*. В кн.: *Komunikacja międzyludzka. Leksyka. Semantyka. Pragmatyka III*. Ред. E. Komorowska, K. Kondziola-Pich, A. Ochrymowicz. Szczecin: Zapol 2012, с. 120–132.; еѐ же: *Polskie i rosyjskie czasowniki onomatopieczne związane z czynnością picia*. W: *Świat Słowian w języku i kulturze. Wybrane zagadnienia z języków słowiańskich i germańskich*. Т. 13. Ред. D. Dziadosz, A. Krzanowska. Szczecin: Zapol 2012, 88–96.; еѐ же: *Русские и польские ономатопеические глаголы, связанные с действием еды*. В кн.: *Язык. Культура. Коммуникация: сборник научных статей*. Ред. Т.А. Воронцова, И.А. Вотякова [и др.]. Ижевск: Удмуртский университет 2012, с. 72–77.

²⁶ M. Borek: *Prezydentury wyrażające dyskomfort psychiczny w rosyjskim w konfrontacji z językiem polskim*. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 1999.

²⁷ Там же, с. 12–13, 16–17, 35–38, 57–60, 76–79, 100–105, 119–122.

²⁸ Еѐ же: *Z badań nad kategorią stanu w języku rosyjskim i polskim*. «Prace Językoznawcze». Т. 21. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 1993, с. 48–55.; еѐ же: *Prezydentury stanu w języku rosyjskim i polskim (aspekt aksjologiczny)*. В кн.: *Współczesne tendencje rozwoju języków słowiańskich*. Т. 1. Ред. M. Blicharski. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 1994, с. 95–103.; еѐ же: *Filozoficzne korzenie predykatów stanu*. В кн.: *Konfrontacja języków słowiańskich na poziomie leksyki, słowotwórstwa i składni*. Ред. P. Czerwiński, M. Borek. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 2001, с. 224–231.; еѐ же: *Русские предложения с предикативами на -о в коммуникативном аспекте*. В кн.: *Русский язык в польской аудитории*. Т. 3. Ред. А. Zych. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 2011, с. 108–117.

Стимулирующей оказалась для польских лингвистов идея т.н. коммуникативных регистров. В этой области активность проявили русисты сосновецкой школы. В своей первой статье²⁹, опубликованной в 1993 г., Малгожата Борек показала, что характерным признаком жанра репортажа является чередование регистровых текстовых блоков с разными коммуникативными интенциями и — что важно — специфические последовательности таких композитивов. В своих последующих работах Малгожата Борек применила регистровый композиционный анализ также в исследовании текстов русской художественной литературы³⁰.

Материалом ряда статей и обширной монографии Агнешки Гаш стали предложения т.н. генеритивного регистра³¹, а Паулина Пелех избрала в качестве предмета сопоставительно-переводческого изучения высказывания, используемые в кинокартинах. Коммуникативной интенцией таких высказываний является реакция на реплику или ситуацию, т.е. они представляют т.н. реактивный регистр³².

Оказалось также, что обращение к регистровым характеристикам текстов позволяет объяснить языковые явления, которые раньше не находили надлежащего освещения. Таким образом автору этих строк удалось объяснить запрет на употребление анафорических местоимений-прилагательных — как в русском, так и в польском языках — в текстах репродуктивного регистра³³, а в постпозитивном употреблении анафорического *этом / ten* — увидеть регистровый переключатель, вводящий информативно-описательный регистр в регулярную

²⁹ М. Борек: *Регистровая характеристика жанра репортажа в современном русском языке*. «Prace Językoznawcze». Т. 20. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 1993, с. 71–79. Познавательное значение исследования было отмечено фактом включения информации об этой статье в библиографию изданной в 1998 г. *Коммуникативной грамматики русского языка*.

³⁰ М. Борек: *Językowa formalizacja uczuć i emocji w utworach A. Puszkina*. В кн.: *Słowo. Tekst. Czas IV*. Ред. М. Aleksiejenko. Szczecin, Wyd. Uniwersytetu Szczecińskiego 1999, с. 170–175; М. Борек: *Композитивы в «Стихотворениях в прозе» Ивана Тургенева*. В кн.: *Gramatyka a tekst*. Т. 2. Ред. Н. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego–Oficyna Wydawnicza WW 2009, с. 94–107; ее же: *Лингвистические особенности повести Н. Гоголя «Портрет»*. В кн.: *Коммуникативные аспекты грамматики и текста I*. Ред. Z.Czapiga, A. Stasienko. Rzeszów: Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego 2013, с. 183–194.

³¹ А. Гаш: *Zarys gramatyki uogólnień na materiale aforyzmów (ujęcie polsko-rosyjskie)*. Katowice: Wzd. US 2013.

³² П. Пелех: *Элементы реактивного регистра в переводе фильмов*. В кн.: *Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика*. Київ 2015, с. 265–269.

³³ Н. Fontański: *Anaforyczne przymiotniki wskazujące w języku polskim i rosyjskim. Problem użycia*. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 1986; его же: *Об употреблении анафорических прилагательных в русском и польском языках*. «Linguistica Silesiana» Т. 10 (1989), с. 83–96.

трехчленную регистровую структуру³⁴. Использована была также возможность включиться в теоретическую дискуссию, касающуюся проблематики коммуникативных регистров³⁵.

Подводя итоги, можно заключить, что применение идей функционально-коммуникативной грамматики — прежде всего в теоретическом варианте, предлагаемом московской лингвистической школой — оказалось для польской русистики плодотворным и открывающим все новые, многообещающие научные перспективы.

Henryk Fontański

IDEE MOSKIEWSKIEJ
SZKOŁY GRAMATYKI FUNKCJONALNO-KOMUNIKACYJNEJ
W PRACACH POLSKICH RUSYCYSTÓW

Streszczenie

W artykule omówiono publikacje polskich rusycystów, którzy w swoich badaniach wykorzystują idee teoretyczne Galiny Zolotowej, twórczyni moskiewskiej szkoły gramatyki funkcjonalno-komunikacyjnej. W przeglądzie uwzględnione zostały prace, w których istotną rolę odgrywają takie postulaty gramatyki funkcjonalno-komunikacyjnej, jak dwuczłonowość zdania elementarnego, model zdaniowy i jego modyfikacje, typologia syntaktemów, klasyfikacja semantyczno-składniowa czasowników, typy predykatów oraz tzw. rejestry komunikacyjne.

Henryk Fontański

IDEAS OF THE MOSCOW SCHOOL
OF FUNCTIONAL AND COMMUNICATIVE GRAMMAR
IN WORKS OF THE POLISH SPECIALISTS IN RUSSIAN LINGUISTICS

Summary

The present article offers a review of works by Polish specialists in Russian linguistics, who use in their research theories and ideas developed by Galina Zolotova, a founder of the Moscow school of functional and communicative grammar. The attention is concentrated on such notions as a principle of a binomial sentence, concept of a model of the sentence and its modifications, typology of syntactic forms of words in Russian, semantico-syntactical classification of verbs and types of predicates, and also so-called communicative registers.

³⁴ Х. Фонта́нский: *Текстовая роль постпозитивного местоимения «этот» в русском языке*. В кн.: *Języki słowiańskie dziś. Nowe fakty. Nowe spojrzenia*. Ред. Н. Fontański при соучастии Е. Straś. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego 2001, с. 212–226.

³⁵ Х. Фонта́нский: *Методологические вопросы регистрового анализа*. В кн.: *Традиции и тенденции в современной грамматической науке*. Ред. Г.А. Золотова. «Вопросы русского языкознания». Вып. XII. Москва: МГУ 2005, с. 168–177.